

Вернувшись в поместье, юная служанка Шули, как всегда оживленная, наперебой принялась рассказывать о событиях дня.

— Соседка, тетушка Ван, опять бранилась со своим стариком. А на рынке у семьи Ли самые сытные лепешки, только сегодня хозяйка приболела, и Ли Эрлан не вышел торговать.

Голос Шули постепенно затих.

Услышав это, Линь Чуюнь приоткрыла полузакрытые глаза и спросила:

— Почему замолчала?

— Принцесса, вы, должно быть, утомились?

— Есть немного.

Услышав это, Шули собралась было прибрать вещи в беседке:

— Принцесса сегодня выглядит особенно уставшей, не позвать ли нам лекаря Ли?

Линь Чуюнь покачала головой:

— Ничего страшного, возможно, скоро придут женские дни.

— Тогда, может, пойдем в дом и приляжем? Здесь постоянно дует ветер.

Заметив заботу Шули, принцесса снова покачала головой:

— Побуду здесь. Если вечно сидеть в четырех стенах, можно заплесневеть, а легкий ветерок даже полезен.

— Тогда я принесу плед.

Принцесса медленно погрузилась в дремоту, чувствуя сильную слабость, и лишь слегка махнула рукой.

Видя это, Шули на цыпочках удалилась.

Стоявшая рядом Сюдэ молча заменила догоревшую палочку благовоний на успокаивающую —

это должно было помочь принцессе лучше выспаться.

Они с Шули выросли при принцессе и знали друг друга как облупленных. Шули по своей натуре была простушкой и не придавала значения мелочам, но Сюдэ отличалась тонкой душевной организацией. Услышав от подруги о том, что произошло утром, она нутром почувствовала, что с принцессой творится что-то неладное.

Пока Сюдэ терзалась сомнениями, Шули вернулась с белоснежным пледом в руках. Она осторожно укрыла принцессу, но, несмотря на все её старания двигаться бесшумно, та всё же открыла глаза.

В её взгляде читалось сонное замешательство. Увидев перед собой круглое, кукольное личико служанки, Шэнь Цюцзэ спросил:

— Сколько я проспал?

— Совсем немного, и палочки благовоний не прогорело.

Лежа на кушетке в беседке, Шэнь Цюцзэ видел красные облака на горизонте и половину багрового диска солнца. Но как ни посмотри, это солнце больше походило на закатное. Неужели утреннее солнце в древности выглядит именно так?

Он зевнул и, указав на запад, спросил:

— Солнце только взошло?

— Принцесса, вы совсем заспались, оно же вот-вот скроется.

И правда, стоило Шули договорить, как красное солнце опустилось за горизонт, оставив после себя лишь зарево.

Да быть того не может, проспал целый день? А как же поход во дворец?

В этот момент у Шэнь Цюцзэ возникла догадка, и он осторожно прощупал почву:

— А что насчет сегодняшнего визита во дворец...

Шули тут же подхватила:

— Вы бы видели лицо Фумы, когда император давал наставления, — вот уж правда, стало легче на душе.

Значит, так оно и есть...

Сердце Шэнь Цюцзэ сжалось. Пока он спал, этим телом управлял кто-то другой. От этой мысли по спине пробежал холодок. Сколько же душ обитает в этом теле? Знают ли они о его существовании? Вряд ли им удастся долго скрывать это друг от друга, ведь время-то не сходится. Нужно разузнать побольше, чтобы понять, в каком положении он оказался.

— Кстати, какой сегодня день?

Шули принялась загибать пальцы:

— Шестой день третьего месяца шестнадцатого года Исин. Завтра рынок открывается, можно будет сходить прикупить чего-нибудь.

Шестнадцатый год Исин?

Шэнь Цюцзэ судорожно вздохнул. Только бы это не была та самая династия И, о которой он читал! В истории династия И пала на восемнадцатом году Исин, а вся императорская семья погибла. И была в те времена лишь одна принцесса, младшая сестра императора — Линь Чуюнь.

При этой мысли у Шэнь Цюцзэ потемнело в глазах. Значит, он, скорее всего, и есть та самая принцесса Пинъюнь.

Поразмыслив, Шэнь Цюцзэ прикинул: жить ему осталось совсем недолго. Но ведь он только-только попал сюда — неужели ему снова суждено умереть?

<http://bllate.org/book/18629/1793640>